
Куда же вы уходите, друзья?
Я верю, что уходите вы в детство.
И пишете там письма для меня,
И шлёте мне их в преданное сердце.

Не знаю, будет встреча или нет,
Но нашей дружбы свет неразделимый.
Я нарисую каждого портрет
И подпишу я: «Коля», «Миша», «Дима».

Бессмертен воздух и жива вода,
Пока есть память и стихи сияют.
Меняют нас и горе, и беда.
Друзей и после смерти не меняют.

Чернила

В гостинице закончились чернила,
Из вены капал на бумагу стих.
И тихо-тихо голова склонилась
Над зеркалом. Поэта не спасти.

Ноль целых две десятых грамма крови
Хватило, чтоб проститься и простить.
Он встретил смерть свою на полуслове,
А до свиданья – это значит жить.

В наивной красоте...

Знакомые не те,
Да и не те знакомства.
В наивной красоте
Все ужасы потомства.

Среди гламурных лиц
Не встретить папиросы.
Рожают бедных птиц
Соседи – недоросы.

Зелёная зима
С тайгою чёрно-белой,
Сползаю я с ума,
И кровь поспела.

Рифмы

Денису Домарёву

Я в Ленинске-Кузнецком, ты в Самаре,
Но помнят Химки и Бугуруслан,
Как мы с тобою рифмовали в баре,
Потом переезжали в ресторан.

А помнишь, в Красноярске рифмовали?
К полуночи нам не хватало слов.
Из Екатеринбурга парня звали,
И приносил нам рифмы Комаров.

Идут года, и нам уже под сорок.
У рифмы горькой больше не в плену.
Верлибры мы пытаемся освоить,
Но Комаров им объявил войну.

По крайней

По крайней мере, я тебя люблю,
По крайней мере, ты меня полюбишь,
Пускаешь романтическую соплю,
Когда любимый сериал ютубишь.

А я при этом плясую на футбол,
И кот сопит на шарфике армейцев,
Ты доедаешь свой последний ролл
И разливаешь бархатное тельце.

По крайней мере, я с тобой живу,
По крайней мере, на одном диване.
Переживаем это дежавю,
И кот балдеет в бытовой нирване.

Юрию Татаренко

Из Самары в Чебоксары
Едем с Юрой Татаренко,
Взяли водку из Самары,
И закуска по тарелкам.

Поэтические братья,
Доем мы корову слова...
И приедем мы в объятья
Константина Иванова.

Встретят нас чуваша наши
И вопросы от филфака,
Поедим народной каши,
Круче, чем в гостях у «Смака».

А пока мы тили-тили,
И от водки в трали-вали.
В Чебоксары мы приплыли,
Как сибирские сандалии.

Остался цирк, он в городе полгода,
Артисты голодают в тишине,
И принимают пищу от народа,
Чтоб прокормить животных. На стене
Висят афиши из вчерашней жизни,
И клоунам давно не до детей.
Метут проспекты вопреки харизме,
Чтоб накормить талантливых зверей.
... Уже зима. Но цирк на том же месте.

По снегу ходит поседевший лев.
Под гривою висит блестящий крестик,
Как символ Божьей веры на земле.

Старик

Плыла ленивой рыбою река
Вдоль берегов черемухового ситца.
В деревне хоронили старика
В гробу закрытом, чтоб не заразиться.
Семья не посмотрела на него
В последний раз, и не смогла проститься.
Они тогда не знали одного,
Что тело перепутала больница.
Лежит в палате дед. Ещё живой!
И не найти виновных в круговерти.
И по ошибке сделали вдовой,
Вручив жене свидетельство о смерти.

Восьмой этаж

Восьмой этаж не оставляет шансов.
Короткий звук. Короткое пике.
По телеку жонглирует Черданцев
Словами на спортивном языке.

Прекрасен шум. Падение, как выстрел,
Но тенью зацепился за карниз.
Надежду он искал в самоубийстве,
Летающий герой-полуартист.

Карябает лучом по дому солнце,
Стирает вечера замерзшую пыльцу.
Он на чужом балконе вдруг очнется –
А тень его дубасит по лицу.

Диета

Безалкогольная моя семья,
И я теперь насквозь безалкогольный.
Со мною реже видятся друзья,
Зато без перегара кот довольный.

По стенам растекается ремонт,
Становится крутой библиотека.
И мой безалкогольный горизонт
Не заслоняет больше ипотека.

Готовим завтрак с дочкой и женой,
И вытираем капельки рассвета.
Для нас теперь и дождь, и снег грибной,
Но мне грибы нельзя – гласит диета.